

ЮЛИЯ ИВЛИЕВА

ГЕН
ХИЩНИКА

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И25

Коллаж на обложке Ю. Девятовой

Ивлиева, Юлия Федоровна.

И25 Ген хищника / Юлия Ивлиева. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Метод профайлера. Психологический триллер).

ISBN 978-5-04-200200-7

Сначала жертв было три. Убийца расправился с женщинами с особой жестокостью. Одна была найдена в реке, вторая в водопаде, третья в ущелье Абхазии. Обрезанные волосы, обезображенные лица, необычные уродливые раны на теле — все говорило об особом почерке маньяка.

Но это произошло более полугода назад. Драгоценное время на поимку преступника упущено, следствие в тупике. Осталось уповать на чудо или...

Методы специалиста по профайлингу Кире Вергасовой неоднозначны, непонятны, выводят из себя коллег, но они — единственное, что еще может дать результат в этом непростом деле. Очень скоро Кира убеждается, что все эти месяцы следствие двигалось не в том направлении. А после того, как появилась четвертая жертва, она поняла: убийца — не просто маньяк, а самый настоящий изобретатель пыток...

Почему она так уверена? Возможно, потому, что сама когда-то была в роли жертвы и знает, как ведет себя нелюдь, почувствовавший запах крови...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ивлиева Ю.Ф., 2023

© Оформление.

ISBN 978-5-04-200200-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*В книге присутствуют как реальные места,
события и герои, так и допущения,
географические и прецедентные.*

■ Пролог

От запаха мокрой собачьей шерсти тошнило. Комок рвотной массы подкатил к горлу. Она проглотила его усилием воли и выдохнула через нос — рот был заклеен скотчем. Она отчаянно пыталась не задохнуться от подкатывающей к горлу рвотной массы и вони псины.

Зура, беспородная дворняжка размером с немецкую овчарку, лохматая и нечесаная. Старое и спокойное животное, никогда в своей жизни еще никого не покусало, радостно повизгивало на любую ласку, а сейчас помалкивало. Собака не понимала, почему в промозглый дождливый день должна отдать свою конуру другому существу. Не в силах выгнать незваного гостя, Зура втиснулась в сырое грязное пространство, затолкав захватчика территории в глубь своего жилища, сделав вид, что в конуре она одна.

Гостье в конуре Зуры приходилось тяжело. Воздух совсем перестал поступать, все пространство заполнили шерсть и сырость. Ключки волос и подшерстка прилипли к лицу. Связанная по рукам и ногам, она не могла ни пошевелиться, ни перевернуться. Лишь старалась медленно вдыхать через нос, чтобы в него попало

как можно меньше собачьего пуха, и с силой выдыхать, чтобы вытолкнуть ошметки шерсти из носа. Тело онемело. Затекло. Зура раздраженно возилась, потом, засопев, уснула. Время, казалось, тянулось бесконечно. Собачий ошейник на ее шее больно давил, царапины и синяки на теле саднили. По крыше конуры колотил и колотил дождь. Вода стала подтекать под будку. Спину и ноги кололо от холода и долгого лежания в одном положении. Потом все ощущения пропали. Казалось, ее тело умерло и осталось умереть только сознанию. Она прикрыла глаза, уже ничего не ожидая.

«Ты животное! Ты не человек! Ты ничтожество, недостойное жизни! — Слова визгливо звенели в голове. — Разве ты можешь делать то, что делают люди? Нет! Ты не можешь! Обрубок! Свиноматка! Самовар!»

Каждое оскорбление, казалось, как хлыстом лупило по ней. Крики хороводом кружились вокруг, мелькали хохочущие лица.

«Животное должно жить в клетке! Тебе подойдет конура!»

Ее пихали и толкали, щипали и били. Она постаралась отключиться и ничего не слышать. Старалась не чувствовать и не думать. Она только пристально смотрела на издевающуюся над ней девчонку, краснолицую, распаленную от азарта и пыток. Отмечала каждую ее ухмылку, гримасу.

Время, казалось, остановилось совсем. Зура не двигалась. Ни один собачий мускул не шевелился. Вдруг собака дернулась. Псина вскочила и выбежала под проливной дождь, виляя хвостом. Она почуяла запах еды — горячего месива из хлеба, молока, кон-

сервов. В окошке конуры появились черные резиновые сапоги.

— Что за черт! — выругался их обладатель. Он не спеша поставил собачью миску на землю, обогнул принявшуюся лакать месиво Зуру.

В просвете конуры не появилось лицо, в дырку просто пролезла рука, узловатая и грубая, нашарив рукав куртки, вытащила пленницу наружу.

— И какой плесени тебе там понадобилось? Что за игры по собачьим будкам лазить? — глухо и безразлично пробормотал мужчина. Он не удивился тому, что она в будке, не сердился, не злился. Просто ему нужно было что-то сказать. Он сдернул кусок скотча с ее лица. Из освобожденного рта выплеснулась рвота. Наконец-то можно было не бояться захлебнуться в собственных рвотных массах.

Мужчина выпустил ее из рук. Она снова упала на землю, лицом в грязь, размытую дождем. Краем ключа он полоснул по скотчу на ее руках, потом на ногах, клацнул замок ошейника.

Она продолжала лежать в грязи на животе. Рвать ее перестало, но подняться не хватало сил.

Мужчина потянул освобожденную пленницу за капюшон, слегка тряхнул и поставил на ноги, облокотив на собачью будку. Она еле стояла, до побелевших пальцев вцепившись в мокрые доски. Рыдая, прохрипела:

— Я не играла. Не я...

Он будто не расслышал ее. Словно не видел ее разорванной одежды, истыканного палкой лица, ссадин в прорехах грязных джинсов. Будто не понимал, что она сама не могла связать себе ноги и руки, наклеить кляп.

— Не играй так больше. Не лезь к собаке. Не дело это. Домой иди, — бурчал он, надевая ошейник на Зуру, проверяя, надежна ли цепь.

— Не я... Как же я смогла бы...

— Не шали... И помалкивай... — более строго велел он, впервые глянув ей в глаза, и пошел прочь.

Она будет помалкивать. Молчать. Только бы и в следующий раз Зура дернулась, почувствовав еду. Только бы появились в проеме будки черные резиновые сапоги.

Как же долго тянулось время. Может быть, оно уже прошло?

■ Глава 1

Черт бы побрал того урода, который придумал будильник. Даже если на смартфоне полностью разрядится аккумулятор, сигнал будильника прорежется сквозь мертвую тьму и, проникнув прямиком в мозг, будет выклеивать каждый нейрон, вытягивать все до единого аксоны. Он отнимет каждое мгновение такого ценного сна. Даже не сна, а беспамятства, в которое впадала Кира под утро.

Пока девушка шарила рукой по полке рядом с кроватью в поисках телефона, она осознала, что ее разбудил не будильник, а телефонный звонок. Этот чертов аппарат не разрядился, хотя вчера она не поставила его на зарядку. Наоборот, он демонстрировал полную работоспособность и семь пятнадцать утра.

Не представляя, кто мог разбудить ее в это время, и не найдя в наборе цифр телефона знакомой комбинации, девушка все-таки ткнула в зеленый кружок и выдавила из себя: «Да».

Говорила ей тетка «не пей водку — станешь шлюхой». А вот о том, что водкой можно считать любой алкоголь, в зависимости от употребленного количества, предупредить забыла.

Сухим красным вином до беспамятства налакаться, оказалось, как нефиг делать. Особенно если с него начинать, а заканчивать «Егермейстером»¹ и коктейлем «Космополитен». Кира с трудом вспомнила вчерашний вечер, начинавшийся как пижамная вечеринка в студии танцев. А вот за то, что их потом, к счастью, не в пижамах, по ночным клубам отлавливали, благодарить надо нехватку того самого сухого красного, в недостаточном количестве принесенного в студию изначально. Не настолько одиннадцать девчонок оказались пьяны, чтобы, переодевшись, не отправиться за добавкой.

Впрочем, Кира становится или мудрее, или старше. Проснулась она в своей кровати в одиночестве, в трусах и, вообще чудо, — умытой.

Незнакомый серьезный голос что-то четко и с расстановкой твердил в трубку. По мурашкам на коже и по неким ощущениям пятой точки она догадалась — звонил товарищ из «органов». Имя-отчество она пропустила, а вот «полковник» услышала явственно. Интонации голоса скорее просили, чем приказывали, и это удивляло.

Как Кира ни пыталась, а сложить слова в смысловую конструкцию не смогла. Насколько легко, весело и восхитительно ей было вчера, ровно настолько хреново она себя чувствовала сегодня. Попытку вспомнить, есть ли в холодильнике «Ессенуки», нарушил требовательным тоном произнесенный вопрос:

¹ Jägermeister — немецкий крепкий ликер, настоящий на травах.

— Вы подойдете? Я выписываю на вас пропуск?

Кира тяжело вздохнула и спросила:

— Куда я должна подойти и зачем?

— Я только что вам все объяснил, — напомнил серьезный голос.

Кира снова тяжело вздохнула:

— Ну а я не услышала... Не разобрала... — Девушка разозлилась на саму себя. Здесь звонивший был ни при чем. Ее обычная реакция на перебор с алкоголем. С детства она пребывала в уверенности, что алкоголь — это плохо. И это «плохо» ей нравилось. Нечасто, хорошего качества, в подходящей компании, иногда чересчур в большом количестве, но чертовски нравилось. Перепив вечером и покуролесив вдоволь, она обычно сожалела о содеянном наутро и злилась на себя, что не владела собой. А через какое-то время вновь позволяла себе лишнее.

— Послушайте, — громче и разборчивее проговорила она в трубку, меняя сонную интонацию на уставшую и терпеливую. — Я с бодуна, у меня болит голова, меня тошнит, еще бросает то в жар, то в холод, и, кажется, слегка трясутся руки. Я легла спать часа в четыре ночи и могла бы избежать части описанных мной симптомов, если бы вы меня не разбудили. А так как от меня что-то все-таки нужно вам, то самое минимальное, что вы можете сделать, дабы я не воспользовалась своим правом бросить трубку, это повторить, что вам от меня нужно.

— Утра... — проговорил голос после долгой паузы, и Кира явно расслышала в нем насмешливые нотки.

— Что — утра?

— Четыре — это не ночи, а утра.

— Хорошо. Утра, — согласилась девушка.

— Меня зовут Дмитрий Юрьевич Вольцев. Я полковник МВД. Сейчас у меня в расследовании находится очень неординарное дело. Убиты несколько женщин. По всей видимости, три. Убиты жестоким и необычным способом. Мне нужна ваша консультация. Я приглашаю вас к себе в Управление МВД, к тринадцати часам. Подойдете? Пропуск выпишу. Адрес вам пришлют.

— А кроме меня, вас никто проконсультировать не может? Я давно не занимаюсь такого рода делами. Меня даже каких-то там прав заниматься подобным лишили. — Кира постаралась придать голосу уверенность, а речи — разборчивость. Она не могла сразу определить, обрадовалась она предложению или разозлилась. Пока лишь удивилась. Вот уж не ожидала, что еще когда-нибудь понадобится государству. — А еще у меня не самая хорошая репутация в этой области, мои консультации плохо заканчиваются.

— Репутация — это общее мнение. Меня не интересует чужое мнение и безразлична ваша репутация, мне нужны ваши знания. Мне необходим лучший специалист.

— Подкупаете? — засмеялась Кира. — Лестью. Грубо и напрямую.

— Я готов подкупить вас деньгами и любыми другими благами, которые только позволят моя должность и возможности. Мне действительно нужна ваша помощь, — абсолютно серьезно отозвался полковник.

— Хорошо. Выписывайте пропуск. Я приеду.

Кира отключила телефон и поставила его на зарядку.

— Черт бы побрал полковников, чиновников и убийц! — выругалась она и шмыгнула носом, сдерживая слезы досады. — И жертв, если на то пошло, тоже.

Она вылезла из кровати и отправилась на кухню. В холодильнике нашлась бутылка минералки. Запив три таблетки аспаркама и одну цитрамона прямо из горлышка, Кира уставилась в окно.

Она долго представляла этот разговор. Ну, хорошо, не конкретно этот — подобный. Почти год ждала, что позвонят, скажут, как сожалеют, как ошибались и, вообще, совершили страшную ошибку, готовы публично приносить извинения, компенсировать дарами, искупить кровью. А она будет снисходительна и терпима, ну или резка и мстительна. И точно никогда ни за что, ни под каким предлогом больше в подобное не вляпается. Но время шло, ей так и не позвонили. От нее избавились, и никто об этом не пожалел. Никто не вспомнил и не хватился. Никому умная, талантливая и прекрасная Кира Вергасова не понадобилась.

И она перетерпела, смирилась, успокоилась. Наверное, даже отпустила и забыла. Наладила собственную жизнь в рамках тех возможностей, которые имела сейчас. Поменяла образ существования, работу, привычки. Сменила иллюзии и мечты. И вот, когда она уже гордилась собой, тем, что смогла, справилась, придумала и обрела новую себя, они позвонили...

Киру трясло от злости на себя и от головной боли, а еще от похмелья. Окна выходили на узкую полоску

деревьев и на реку. Зеленые кроны колыхались под порывами ветра. Допив бутылку соленой минералки, она почувствовала себя лучше. Кира выстраивала свою жизнь по кирпичику не для того, чтобы сейчас как разъяренная кошка трястись у окна, потеряв душевное равновесие из-за короткого звонка.

Она прищурилась на пару секунд, размышляя, и пошла одеваться. Пока девушка шла до машины, ее дважды чуть не унесло ветром. Один раз в пролете между домами, ей уже чудилось, что она сейчас воспарит, как на крыльях, на полах своего распахнутого стильного тренча, и второй раз — вместе с дверью «Мини Купера» Джона Воркса. Сердце сжалось в комок, когда тяжелая дверь купе резко распахнулась на максимум, пригрозив отвалиться, и Кира буквально на карачках вползала в машину, с силой притягивая широкую дверь к дверному проему.

— Отличный климат! — выдохнула она, смеясь и оглядывая улицу через лобовое стекло. Мамаши бежали вслед за колясками, хозяйки за собачками, все колыхалось и несло.

А климат она действительно считала прекрасным. Лучшим из тех, что могла предложить Россия, если рассматривать города-миллионники.

Когда, два года назад, Кира покидала суетливую, спешащую и вечно бодрствующую Москву, она осознанно выбрала Краснодар. В целом ей было все равно, где поселиться. Она бежала. Чужими ощущала все города страны, и даже Москву, в которой выросла. Жизнь в маленьком городе не рассматривала. Комфорт и хороший быт могут предложить только боль-

шие города. А из десятки самых больших городов России Краснодар оказался самым южным.

Почти круглогодичное лето и близость моря стали решающим фактором при ее выборе нового места жительства. Город ее не разочаровал. Сейчас в европейской части страны уже повсюду властвовали холод, слякоть, грязная мешанина из снега и реагента. А Краснодар нежился в лучах солнца, в нем зеленели деревья, благоухали цветы. Со вчерашнего дня зарядил дождь, и ветер буянил по дворам, но это на пару дней, не более. Легкая передышка перед вторым витком лета. Полноценная осень в Краснодар придет не ранее конца ноября.

Море. Первое время Кира почти постоянно каталась по морю на кораблике, подолгу сидела на берегу, глядя на переливы волн, даже под Новый год купалась в ледяной воде и по-детски радовалась штормам.

Греясь в лучах солнца и подставляя лицо соленым брызгам, она лишь хмыкала и пожимала плечами, вспоминая былые обиды и неудачи, сложности и проблемы.

Наверное, этим и вылечилась. Во всяком случае, она так думала.

■ Глава 2

Полчаса размеренного движения по улицам города — и она припарковала машину на маленькой стоянке у здания, напоминавшего склад. Кирпичные стены, выкрашенные в белый цвет, узкие, словно бойницы, окна. Фасад здания выходил на большую улицу, и с той

стороны его отделали каменными плитами. Выглядело презентабельно. А вкладывать деньги в стены, невидимые посторонним взорам, не спешили. В этом районе Краснодара дома стояли плотными шеренгами и ветер властвовал меньше, но памятуя о непогоде, она поспешно выскользнула из автомобиля и забежала под неброскую вывеску «Клуб единоборств “Бульдог”».

Спустя час с Киры ручьями стекал пот, даже широкие шорты, мотавшиеся колоколом в начале тренировки, прилипли к ногам.

— Ну что ты вокруг нее танцуешь! Не здесь танцевать будешь! Давай! — орал Аркадий, брызгая слюной и сверля девчонок суровым взглядом.

— Бей! Бей! Выше!

— Все! — завопила Вика, ее партнерша, перекрестила руки в перчатках и быстро отошла.

— Я тоже, — выдохнула Кира.

— Ты отлично держишь удар, хорошо ставишь защиту, но бьешь слабо, неуверенно, — комментировал тренер. — Боишься.

— Она меня жалест, — хмыкнула Вика, вытираясь полотенцем и беря бутылку с водой. — Бойтся сделать больно.

Аркадий пожал плечами.

— Ты мужика ей приведи. — Вика смеялась сквозь воду, булькающую во рту. — Вот на нем она оторвется.

— Глупенькие вы, — тренер покачал головой. — Бокс не решает проблем с головой, кроме тех, которые решаются сотрясанием мозга. — Мужской удар — это принципиально другая сила, вектор...

Кира тоже взяла бутылку с водой.

— Ты обещал! — напомнила она, уставившись на тренера не моргая. — Ты обещал выставить против меня парня!

— Я над этим думаю, — не стал возражать Аркадий. — Тут кто попало не подойдет. Весовая категория должна быть хотя бы приблизительно твоя.

Вика захохотала в голос, брызнув изо рта водой.

— Подростка, что ли, приведешь?

Кира тоже посмотрела исподлобья, не отрываясь от бутылки с водой.

Она, безусловно, считала себя сильной. А еще крепкой, проворной и смелой. Но это не меняло ее внешности. Рост девушки едва перешагнул отметку метр шестьдесят, а вес не поднимался выше пятидесяти двух со всеми мышцами, что она набрала за последние два года, непрерывно и усиленно тренируясь.

— Будет тебе мужик! Такой мужик, что как бы потом мозги не пришлось по всему залу собирать! — отмахнулся Аркадий.

— Я больше переживаю за зубы, — хихикнула Кира.

— Зубы? Зубы вставишь искусственные! — передразнил тренер и пошел к соседнему рингу.

Кира накинула полотенце на шею и приготовилась перелезть через резинки. Почти час на ринге, она вымокла, как мышь в бассейне, но вместе с потом голову покинули дурные мысли, несбывшиеся мечты и злость на саму себя.

— Тебе не нравится бокс по-настоящему. Ты боксируешь не для себя и не для удовольствия. — Вика стерла пот с ее руки, проведя пальцем снизу вверх. — Ты учишься бить. Бить без страха и сомнений.

— Но успехов в этом пока не достигла, если ты слышала Аркадия, — вздохнула Кира. Подруга была права. Не поспоришь.

— Возможно, тебе действительно поможет небольшое сотрясение мозга, — просияла девушка. — Или партнер, которого ты захочешь отлупить.

— Сашенька, голубчик, — всхлинула она игриво и с придыханием, копируя Анастасию из кинофильма «Гардемарины».

Вика нахмурилась.

Этот мальчик вызывал в Кире целую бурю эмоций. Мужчиной его не поворачивался назвать язык. Обладатель абсолютно ангельской, иконописной, внешности. Белокурые волосы, которые вились бы локонами, если бы он не стригся коротко, ясные голубые и бездонные глаза, ровный носик, по-детски пухлые губы. Но главное, спокойный, безмятежный взгляд, неторопливые движения, бесконечное терпение и снисхождение в глубине слегка смеющихся глаз. В нем жил ангел и дьявол одновременно. Это чудо мужского пола преподавало направление «лес». Такая разновидность рукопашного боя и специальной подготовки, после которой человека можно смело выпускать в зимний лес в одних трусах. И он не просто выживет и не заблудится, а еще подручными средствами, изготовленными из попавшейся по пути березы, положит вооруженную роту солдат в полной амуниции.

Кира однажды застала бой Сашеньки с каким-то там его бывшим сослуживцем и поняла: удивительно, но, оказывается, есть на свете мужчина, на которого она готова глядеть восторженно-преданным взором,

для кого будет рожать и воспитывать детей и беззаветно служить кухаркой и уборщицей.

Поняла, почему он никогда не красуется в спаррингах, не демонстрирует боевого мастерства и только словами объясняет, что и как делать. Перед ней порхало смертоносное оружие в облике ангела. Пока палки, которыми орудовали бойцы, мелькали над мужскими головами и под коленками, утыкались в крепкие мускулистые тела и колошматили по плечам, Кира ощущала, как тает и превращается в мягкую массу ее сердце. Чтобы лужа от ее главного жизнетворящего органа не утекла под ноги ненаглядного Сашеньки, она спешно покинула зал и с тех пор старалась обходить юношу стороной. Даже не интересовалась, где у нас такие супербойцы служат, его семейным и социальным статусом. Вздохи и хихиканье издалека — это все, что она себе позволяла.

— Вау! Огонь! — комментировали находящиеся в зале мужики.

Кира и Вика покинули зал. Кира, едва приняв душ, тут же убежала, поняв, что уже опаздывает на свидание к полковнику. Она не видела, как Вика нахмурилась и обиженно прикусила губу, не найдя подругу в раздевалке.

■ Глава 3

Кира нещадно опаздывала. Выехав на Октябрьскую, она не стала кружить по улицам в поисках парковки, а приткнула машину на ближайшем подвернувшемся месте и пошла к дому сто двадцать один пешком.

Только сейчас она подумала, что совсем не позаботилась о том, как хотела бы выглядеть в государственном учреждении и какое впечатление произвести на полковника Вольцева.

В целом Кира никогда не переживала по поводу своей внешности. Ну, может быть, в школе, из-за маленького роста. В первую очередь ее растили очень умненькой девочкой и только после этого, может быть, хорошенькой.

Она принадлежала к тем несчастным женщинам, набирающим вес от одного запаха шоколада, поэтому уже подростком приучила себя не пихать в рот все, что не приколочено. Занятия спортом воспринимала как данность. Прошла почти все, что только возможно в спорте и танцах: пилатес, йогу, кроссфит, восточные танцы, степ, хотя по-настоящему так ничем и не увлеклась. Зато ее фигурка отличалась изяществом и грациозностью. Над своей внешностью Кира работала осознанно, продуманно, как всякая очень умная женщина. Выбирала оттенок волос со специалистом и остановилась на глубоком гречишно-медовом, не слишком отличающемся от природного, но ярче. Косметикой почти не пользовалась, наращенных ресниц ей хватало, чтобы подчеркнуть глубокий серый цвет глаз и чувствовать себя красавицей. А вот одежду предпочитала яркую, необычно скроенную, асимметричную, обтягивающую все нужное и в то же время балахонистую и развевающуюся.

Лейтенант на пропускном посту хмыкнул, оглядывая ее, пожалуй, слишком экстравагантный и яркий, желто-черный наряд. Широкую юбку-брюки, пута-